

Халабуда

Один проснулся я и – вслушиваюсь чутко,
Кругом бездонный мрак и – нет нигде огня.
И сердце, слышу я, стучит в виски...
Мне жутко...

/ Яков Полонский /

В детстве я обожала строить халабуды из подручных материалов, позаимствованных в шкафу. Самым простым было накрыть обеденный стол огромным тяжелым одеялом, протиснуться внутрь и сидеть в полной темноте, обхватив колени руками. Долгое одиночество угнетало, поэтому я приглашала я себе подругу Ольку. Я не боялась темноты, просто хотелось почувствовать настоящий ужас, прибегая к рассказам-страшилкам, придуманным на ходу. Подруга красноречием не отличалась, главным рассказчиком была я. Мне нравилось, когда Оля начинала дрожать от страха и хватать меня за локоть. При этом ее глаза начинали светиться, как у кота. Или мне это только казалось. Я сама побаивалась своих баек, но старалась, чтобы голос не вибрировал, иногда противненько похихикивала, чем еще больше распяляла фантазию трусихи.

Не думайте, воспоминания пришли не случайно.

В самый первый день октября Ольга пригласила меня на дачу, где сама была лишь однажды и то десять лет назад. Если сейчас нам по двадцать четыре, следовательно, тогда она находилась на этапе перехода из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

Дача принадлежала ее тетке, сестре отца, у которой с братом сложились, мягко говоря, не совсем родственные отношения. Тетя Валя была женщиной со сложным характером. Она обиделась на отца Оли - Валерия Александровича, когда выходила замуж, лет этак тридцать пять назад. Брат имел наглость сказать, что сестра «засиделась в старых девах», наконец-то, нашелся мужчина, который польстился на нее и который уведет ее из дома, а общая комната останется в полном его распоряжении. На то время младшему брату, мечтающему об уединении, шел пятнадцатый год, а Валентине стукнуло двадцать восемь.

Недавно тетка Валя внезапно скончалась. И все родные удивились, что женщина, которая собиралась жить до ста лет, как минимум, оставила завещание. Детей у нее не было. Кроме квартиры в хрущевке, в которой жил и здравствовал ее супруг, была еще дача, доставшаяся моей подруге.

Ольга очень удивилась щедрости тетки, пока не увидела недвижимое имущество собственными глазами.

- То-то я подумала, по какой причине зажглась любовь к племяннице на старости лет! – протянула я, рассматривая шесть соток, прикрытые желтым ковром листвы, и приткнувшуюся к заднему забору халабуду. Домишко давно бы рухнул, но это не позволил сделать заботливый забор, выглядевший среди разрухи, как случайно занесенные ураганом крашеные доски, выстроившиеся в гордый ряд. По всей видимости, дальше ограждения руки хозяев не дошли.

Ольга скрипнула калиткой и медленно вошла во двор, не спуская глаз с халабуды, чтобы не угодить под нее в момент падения.

Я последовала за ней.

- Оль, ну, чего ты расстроилась!? - попыталась я успокоить подругу. – От тети Вали я ожидала нечто подобное. Ты ее видела за всю жизнь всего пару раз, когда нагрязнула к ней в гости без приглашения, и третий раз, когда вы с отцом приехали на эту несчастную дачу, откуда вас быстро выставили.

- Первые два раза в твоём присутствии, - добавила Головастикова с осуждением, словно я была помехой налаживанию отношений племянницы и тетки. – А приезд на дачу я помню смутно, но, кажется, тетя Валя сама нас пригласила. В тот год был урожай на яблоки, ей захотелось угостить брата. На пороге нам сунули в руки ведро подпорченных фруктов и намекнули на занятость. На вокзале папа подарил яблоки одной бабуле, которая торговала плодами из своего сада, а маме сказал, что мы передумали ехать на дачу.

- И ты не сдала отца?

- Нет. Не хотела, чтобы он еще раз испытал унижение. Ему не нужны были яблоки, он хотел помириться с сестрой.

- А помнишь, перед самым первым классом мы сбежали из дома и решили поехать на море, чтобы на себе испытать, что такое бархатный сезон, о котором постоянно слышали от моей мамы, произносящей это сочетание загадочным тоном. Мы решили, что надо ехать с речного вокзала. На вокзале нас остановила незнакомая женщина и спросила: «Оля, почему ты одна и где твои родители?» Не дождавшись вразумительного ответа, отвела нас к себе домой и позвонила моему отцу.

- Тетя Валя следила за жизнью моего отца, несмотря на то, что была с ним «в контрах», как она выражалась.

- Твой отец примчался и забрал нас, не забыв поблагодарить сестру, которая дала понять, что не готова к примирению.

- А второй раз я пришла к ней, не забыв прихватить тебя для поддержки, когда поступила в университет. – задумчиво сказал Оля. – Думала, тетя порадует за меня, а она...

- Даже чаю не предложила, мы постояли в прихожей, быстро пересказали новости, развернулись и ушли, когда Валентина намекнула, что ей пора ехать на дачу.

- «Электричка ходит редко и строго по расписанию!» - прогнусавила подруга, повторив слово в слово заявление неприветливой тетушки.

Мы стояли у калитки и пялились на хрупкое дощатое строение с покосившейся крышей.

- Я думала, мы с тобой поживем здесь пару дней, погуляем, подышим чистым воздухом, - обиженно протянула Головастикова.

- И поживем, и погуляем, и подышим! – уверенно заявила я и двинулась к дому.

Подойдя ближе, я изогнулась и попыталась заглянуть под лестницу, которая услужливо вела к входной двери, на которой висел внушительный замок, просунутый в две петли. О местонахождении ключа я знала, поэтому не выискивала его при помощи боковых наклонов, хотела проверить, нет ли у халабуды куриных ножек, уж больно она походила на жилище бабы Яги.

Головастикова не обратила внимания на мои физические выкрутасы, ее мысли, по все видимости занимала трезвая мысль: надо ли переступать порог полученного в наследство жилища? Не придя к определенным выводам, она заключила трагическим голосом:

- Сердце дома. Сердце радо. А чему?.. Тени дома? Тени сада? Не пойму.

- Не поняла, - пробубнила я, поворачиваясь к ней.

- Темнота ты, Устина Германова, - протянула Оля с кислой миной, - это Иннокентий Анненский.

Сказано это было таким тоном, будто каждый уважающий себя человек обязан досконально знать творчество русского поэта, литературного критика и драматурга в одном лице. Другой бы на моем месте промолчал и «перевел рельсы» на более приемлемую тему, но не я.

Резво преодолев ступени, я повернулась к двери задом, к подруге передом и голосом актрисы, обделенной талантом, продекларировала гнусным голосом:

- Меняю рай на ад: алмазы искусно превращаю в стразы; под катафалком облаков любимый труп я открываю. И близ небесных берегов ряд саркофагов воздвигаю... - выдержала паузу и бросила, - Петр Якубович. Для тех, кто не знает.

Знакомая фамилия не привлекла внимание подруги, она сосредоточенно «переваривала» текст, о чем намекало выражение задумчивости на лице, медленно переходящее в осмысление, в итоге сменяемое ужасом. Я подумала, что еще минута и Головастикова бросится наутек. Поэтому слетела с лестницы и ухватила ее за плечи.

- Оль, чего ты испугалась?

- Тина, зачем ты сейчас... наболтала невесть что? – прошептала она, зыряка очами по сторонам.

- Я хотела показать свою эрудицию, а ты все приняла близко к сердцу. – поспешила я объясниться.

- Нет, погоди, - покачала подруга головой. – Давай разберем твои вирши, как на уроке литературы.

- Вирши не мои, а Якубовича, - с нажимом сказала я, снимая с себя ответственность. – И хочу напомнить тебе, дорогая Олечка, что мы приехали с одной целью – отключить умственную активность, заменив ее тупым физическим трудом плюс отрешением от бурно текущей жизни за воротами садового товарищества «Водник»... Кстати, почему он носит такое неподходящее название?

- Потому что тетка Валя несколько лет работала кассиром на речном вокзале. – без эмоций произнесла подруга.

- А я думала из-за пруда, мимо которого мы шли с электрички.

- Тина, «не заговаривай мне зубы!» Ответь прямо: ты тоже предчувствуешь... что-то... нехорошее?

- Не-а, - бодро ответила я, стукнула ее по плечу и заявила, - пуганая ворона куста боится!

- Сама ворона, - парировала Оля без привычной обиды. Испуг затмил остальные чувства.

- И что ты предлагаешь? Развернуться и уйти? И даже не проверить состояние наследства?

- Черт с ним, с этим наследством. – скривилась Головастикова. – То-то я думаю, с чего тетка расщедрилась?! А она придумала какую-нибудь каверзу. Не иначе! – громко произнесла она, словно надеялась докричаться до ушедшей в мир иной родственницы, которая при жизни с ней не зналась.

- Успокойся! – рявкнула я, испугав соседскую собаку, залившуюся неприветливым лаем. Пес дворянской породы бегал вдоль разделяющего дворы забора и смотрел на нас враждебно.

- Откуда он взялся? – заинтересовалась Ольга.

- Спал в будке, пока мы его не разбудили. – со всезнающим видом сказала я и кивнула в сторону собачьей конуры, стоящей неподалеку от соседской калитки.

- Значит, соседи здесь живут постоянно? – обратилась она ко мне, будто я была посвящена в мирно текущую жизнь «Водника».

- Не обязательно. Возможно, летом и живут здесь постоянно, а на зиму переезжают в город... Хотя, дом у них вполне подходящий для зимовки. И выглядит вполне прилично. Потому и оставили сторожа. Наведываются, чтобы его покормить.

- Он же не верблюд, чтобы наестся на несколько дней.

- Не верблюд, - согласилась я, внимательно изучая горластую собачонку черного окраса, вертящуюся у забора. Оценив ее неказистый рост, я уверенно подошла к разделяющей нас преграде. – Волчок, успокойся! – грозно приказала я.

- Почему Волчок? – удивилась подруга, следующая за мной по пятам.

- Не знаю, случайно вырвалось, - обронила я, не задумываясь о последствиях.

- Я давно подозревала, что ты обладаешь даром предвидения. – «задушевым» голосом из преисподней заключила Оля.

- Какая связь между моим ляпом с кличкой собаки и твоими намеками?

- Тина, что ты не скажешь, все исполняется.

- Хочу руководить Газпромом, ездить на престижном авто, иметь недвижимость по всему миру, жить в Подмоскowie в красивом доме с бассейном, и чтобы вокруг был лес! – с выражением процитировала я, три раза хлопнула в ладоши и закрыла глаза. Постояла с минуту столбом, открыла глаза и с горечью заметила, - ни-че- го! А ты говорила...

Головастикова не отреагировала на мои мечты вслух, углубляясь в воспоминания.

- Помнишь, в первом классе мы с тобой пришли в школу и увидели Колю Романцева. Он стол возле колонны и смотрел себе под ноги. Затем вскинул голову, покосился в нашу сторону, а ты сказала: «Сейчас к тебе подойдет Романцев и признается в любви».

- И!? – поторопила я, устав от затянувшегося трагизма и горя желанием зайти в дом и расстаться с тяжелой сумкой, которую я пока боялась выпустить из рук.

- Коля, действительно, подошел ко мне, сказал, что любит меня и предложил дружить.

- Что-то я этого не припомню.

- Он ко мне на перемене подошел, когда тебя рядом не было.

- Надо вычислить время срабатывания! - предложила я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться и не разрушить хрустальный замок, сложенный из счастливых моментов прошлого.

- Какое время срабатывания? – на полном серьезе заинтересовалась подруга, не замечая перемен в соседской псине, которая послушалась моего приказа и угомонила. Теперь Волчок сидел тихо и переводил взгляд с меня на Олю.

- Ты обязана вспомнить, сколько прошло времени между моим предсказанием и признанием Романцева.

- Зачем?

- Чтобы вычислить время срабатывания, - снова повторила я, передернув плечами.

- Зачем?

- Надо признать, ты заблаговременно отключила умственную активность, - попеняла я подруге.

Головастикова «включила мозги», напряженно перекрутила шестеренки и выдала.

- Я поняла! - вдохновенно произнесла она, словно нашла ответ на вопрос, терзавший нас многие годы. Но ту же сникла, - но я точно не помню, когда подошел Романцев: после первого урока или после второго?

- Из чего я могу сделать вывод, что время срабатывания охватывает промежуток от сорока пяти минут до полутора часов. – быстро подсчитала я и добавила. – Но единственный случай это не показатель моего дара. Если были и другие, то надо вспомнить о них, снова подсчитать время срабатывания, а потом найти среднее арифметическое, чтобы...

- Чтобы мы вовремя успели слинять отсюда! – перебила меня догадливая подруга.

- Но я еще ничего... не напро... не пророчествовала, - споткнулась я на непривычном слове.

- А эти намекающие стихи?! – взвилась Головастикова, притопнув ножкой.

- Я тебе уже сказала: хотела блеснуть эрудицией, - терпеливо повторила я.

- Но почему-то тебе на ум пришли не лирические стихи, более подходящие для осенней золотой поры, а стихи с двойным смыслом.

При этих словах подруги Волчок напомнил себе одиноким «гав!»

- Даже собака это понимает! – обрадовалась Головастикова.

- Сомневаюсь, что она слышала мою декламацию, сидя в будке.

- Наверное, слышала, - стала внушать черной псине Ольга, сверля ее глазами.

Волчок задумчиво склонил голову на бок, повилял хвостом и громко подтвердил.

- Он проголодался и решил подлизыванием выклянчить кусок колбасы, - сообразила я. – Из твоей сумки съестные запахи разносятся по всей округе.

- Точно! Надо отблагодарить Волчка! – спохватилась подруга.

- Нет, сначала давай зайдем в дом, распакуем сумки, а потом подружиться с собачкой.
- Я в дом не пойду! – решительно заявила Оля.
- Будем ночевать на улице? Но ночью будет холодно.
- Для начала надо подсчитать время срабатывания, - напомнила подруга. – Давай присядем на скамейку и вспомним другие случаи, когда твои слова не расходились с делом.

Я не стала спорить, потому что спорить с Головастиковой это все равно что спорить с начальником, осуждающим демократию и приветствующим деспотизм. Мы посеменили к скамейке, притулившейся к халабуде, с которой они были ровесниками. Для начала я поверила рукой лавочку на расшатываемость, затем осторожно опустилась на нее, не отрывая ног от земли. Еще несколько раз подергалась, как любитель рока, находящийся в экстазе, и пригласила Ольку присоединиться ко мне. Та бухнулась на скамью и пристроила рядом сумку. Скамейка жалобно заскрипела и наклонилась к дому, словно искала у него защиты и поддержки.

- Сейчас хлопнемся на землю и набьем себе синяков, - предупредила я и замерла, прислушиваясь к поведению скамейки. Та прильнула к избушке и нашла в ней утешение. Поэтому скрипучего плача мы больше не услышали.
- Видишь, - обрадовалась Головастикова, - мы не упали! А если бы ты предупредила о падении заранее, когда мы стояли у забора, то эта лавочка нас точно не выдержала.
- Оля, я устала и хочу выпить чаю. Надеюсь, у твоей тетки есть на чем согреть воды?
- Наверное, - беспечно сказала подруга и предупредила, - я не сдвинусь с места, пока не узнаю, сколько времени могу находиться в этом... аду. – Она повернула голову в сторону входной двери, сгребла в охапку сумку, будто приготовилась к марафонскому бегу до станции.
- Почему в аду? – хмыкнула я. – Ты еще внутри дома не была. Вдруг внешний облик обманчив, чтобы не привлекать внимание грабителей?
- Про ад ты сама сказала, Тиночка. Вспомни начало стихотворения: Меняю рай на ад.
- А алмазы искусно превращаю в стразы, - продолжила я. – Ты думаешь, что тетка спихнула тебе гнилую хибару, а на самом деле... - я выдержала паузу и прошептала, - на самом деле ты найдешь там... несметные сокровища. - В очередной раз ляпнула я, не подумав. Я не желала возвращаться в город. Перед долгой зимой мне хотелось набраться сил, соединившись с природой.
- Ага-а-а, - протянула подруга, будто уличала меня в сокрытия теткинских богатств. – Ты согласилась со вторым высказыванием, следовательно, должна согласиться с первым. О смене рая на ад, - напомнила она.

Выход из сложного положения, в которое я угодила по собственной глупости, нашелся быстро. Впрочем, как обычно. Я была девушкой сообразительной и неглупой, хоть и блондинкой. Волосы – моя главная красота. И единственная. И имею в виду внешность, внутренняя красота не поддается критике.

- Что легко достается, то не ценится. – изрекла я с умным видом. – Чтобы получить настоящее наследство, надо тщательно обыскать дом.

Олька пронзила меня прищуренным взглядом темно-карих глаз, освободилась от сумки, взлохматила каштановые волосы, отчего стала походить на хозяйку дома на курьих ножках. Единственным отличием была современная чистенькая одежда – джинсы, ветровка, свитер и кроссовки. Я была одета так же, но ветровка на мне была синего цвета, а не бежевого, как у Головастиковой. Джинсы были черными, кроссовки черными, свитер черным. словно мы заранее готовились к поминкам по наследству.

- А еще был случай, - не к месту сказала она. – Мне было лет шестнадцать. Я познакомилась в маршрутке с парнем. Его звали Саша. Очень симпатичный мальчик. Я

пришла к тебе и поделилась радостью. На что ты заметила: «Рано радуешься, через неделю вы поссоритесь!»

- Я так сказала? – спросила я, покопавшись в ворохах памяти и не найдя там никакого симпатичного Саши из маршрутки. – Я что случилось через неделю?

- Мы поссорились. Причины я не помню. Скорее всего, из-за какой-нибудь ерунды. – нахмурилась Оля.

- В первом случае время срабатывания составляет от сорока пяти минут до полутора часов, во втором – неделя.

Я решила подыграть упертой подруге, надеясь на третий случай, когда между предсказанием и исполнением пройдет не менее месяца, чтобы среднее арифметическое позволило нам безбоязненно прожить в избушке хотя бы несколько дней. На большее я не рассчитывала. К тому времени срок заработанных отгулов истечет и надо возвращаться на работу. Мы с подругой работали менеджерами по туризму в одной крупной туристической компании, имея на руках дипломы о высшем юридическом образовании. Как оказалось, устроиться по специальности не так-то просто. Помыкавшись без работы несколько месяцев, мы спустились с небес на землю, причем очень удачно – рядом с красивым зданием из синего стекла, один этаж которого занимала туристическая компания «Одиссей», решившая заменить несколько нерадивых сотрудников на более расторопных.

- Двадцать четыре часа умножить на семь это будет... это будет...

- Сто шестьдесят восемь часов, - подсказала я. – Давай первый случай округлим до часа, чтобы легче считать.

- Давай, - согласилась Головастикова. – Значит, мы делим сто шестьдесят девять часов на два. В итоге получаем 84,5 часа, что приблизительно соответствует трем с половиной дням.

- Маловато, - вырвалось у меня.

- Возможно, нам этого времени будет достаточно, чтобы найти... - продолжать подруга не стала, чтобы я не заподозрила ее в намерении заполучить богатства злопамятной тетки.

- Для достоверности эксперимента нужен третий случай! – поспешила напомнить я, надеясь на более продолжительный срок.

Головастикова загрустила, причины грусти я не поняла, пока она не напомнила о зануде-профессоре, который преподавал нам судебную бухгалтерию. Он постоянно придирался к нам во время лекций, не имея на то причины. Мы вели себя, как жены декабристов, которым могли отказать в поездке в Сибирь к осужденным мужьям: не спорили, не язвили, а внимательно слушали не только излагаемый материал, но и «лирические» отступления». Смысл отступлений заключался в унижении современной молодежи и возвеличивании современников профессора, молодость которых пришлась на фанатическое строительство коммунизма. По всей видимости, стареющий мужчина уловил в наших взглядах непочтение и затаил обиду, которая выплеснулась на нас постоянными придираками, вопросами не по теме предмета и выдворением без причины из аудитории. Экзамена мы с Олей ждали со страхом. Ничего кроме неудач, мы не ждали от вредного профессора с по-домашнему доброй фамилией Марамышкин.

- Это случилось девятнадцатого декабря, - трагическим голосом произнесла подруга. - Марамышкин начал лекцию словами: «Сегодня Леониду Ильичу Брежневу исполнилось бы... сколько-то там лет». А я расслабилась и ляпнула: «Это Ваш отец?» Я не виновата, что его звали Антон Ильич. Конечно, я знала, кто такой Брежнев, но сказался недосып, я всю ночь доклад готовила по уголовному праву.

- И я брякнула тогда: «Захлопнулась крышка гроба». Сама не знаю, почему у меня это вырвалось.

- Ты не сказала на нашем гробе, ты сказала просто – на гробе, не указывая имена личностей, которые в нем покоятся.
- Но имела в виду, что нам с тобой конец, экзамен по судебной бухгалтерии мы никогда не сдадим.
- Я тоже об этом подумала. К Марамышкину ее никак не приклеила, пока...
- Пока он не угодил перед самым Новым годом под колеса автомобиля, которым управлял пьяный представитель современной молодежи, которую так не любил профессор. – вспомнила я.
- Это было тридцатого декабря или тридцать первого? – задумалась Оля.
- Тридцатого. Потому что тридцать первого его хоронили. Мы с тобой не решились присутствовать на погребении.
- Я чувствовала за собой вину, - печально вздохнула Головастикова.
- Ты здесь причем, - хмуро заметила я, сопоставив факты и мое неосторожное высказывание. – Признаться честно, я тогда забыла, что сказала девятнадцатого декабря.
- Я помнила, но не хотела, чтобы ты мучилась.
- Я, вообще, редко связываю случайно оброненные фразы и последствия.
- Потому что на самом деле ты не желаешь людям зла. Сказала и забыла, а программа исполнения наказаний уже запустилась, обратной дороги нет. – констатировала Ольга.
- Мне кажется, ты приписываешь мне несуществующие способности, - разозлилась я.
А кому хочется быть судьей, чей приговор обжалованию не подлежит, а исполнение рано или поздно исполняется.
- Я бы могла вспомнить еще несколько случаев, но не стану травмировать тебя.
- А почему ты сказала мне об этом именно сегодня? – спросила я.
- Мне показалось, что, переступив порог этого дома, со мной случится что-то страшное. И ты предупреждаешь меня, сама того не осознавая.
- А я утверждаю, что между моими... дурацкими репликами и трагическими последствиями нет никакой связи! - дрогнувшим голосом заявила я.
- Хочешь, чтобы я стала подопытным кроликом? – злобно поинтересовалась подруга.
- Ты говоришь ерунду, - отмахнулась я.
- Тогда давай проверим твою теорию о времени срабатывания.
- Оля, я пошутила.
- Я таких шуток не понимаю. Раз ты это произнесла, значит, так тому и быть!
- Я не монаршая особа, чьи приказы надо неукоснительно исполнять! – возмутилась я.
- Не монаршая, - кивнула подруга, - но у тебя слова опережают мысль.
- Это от небольшого ума! – нашлась я.
- Кто бы говорил, - хмыкнула Головастикова. – Я не утверждаю, что каждая брошенная тобой реплика влечет за собой претворение сказанного в жизнь. Но иногда ты становишься пророчицей и не замечаешь этого. Уверена, если спросить тебя в лоб: «Дорогая Устина, не скажешь ли ты, когда я выйду замуж?», то вразумительного ответа не получу. Ты решишь, что на почве одиночества я сбрендил. А представь себе: мы идем по улице, а навстречу нам шагает молодой мужчина весьма обычной наружности. Я прохожу мимо, не поворачивая голову в его сторону, а ты шепчешь: «Оля, это твоя судьба. Через месяц вы с ним поженитесь». Скажешь, такого не может быть?
- Может. Наверное. Иногда я что-то болтаю, не подумав. Совпадения носят случайный характер.
- Но ты еще ни разу не указала мне мужчину, который станет моим мужем.
- Время не пришло, - проямлила я.
- А предупредить о смене рая на ад пришло? – взвилась Головастикова.
Я не знала, что ответить, в итоге мы приуныли, потупив взгляды.
Через некоторое время Ольга сказала.

- Семь целых, три десятых.

Я недоуменно уставилась на нее.

- Среднее время срабатывания чуть больше семи дней, - пояснила она.

- Если глупые фразы, влетевшие в мою голову и легко вылетевшие из нее, можно назвать предсказанием, то могу с уверенностью заявить: никакие предсказания не поддаются логическим объяснениям, тем более арифметическим подсчетам.

- Но ты сама предложила прикинуть время срабатывания, значит, надо было подсчитать.

- Но ты могла вспомнить о других жизненных ситуациях, однако...

- Однако, я вспомнила об этих трех случаях, следовательно, так было нужно! – упрямо заявила Ольга.

- Недаром ты родилась под знаком овна, - буркнула я.

- А тебя при рождении Бог в темечко поцеловал, - улыбнулась подруга. Впервые за то время, что мы оказались на территории садового товарищества «Водник». – И про богатство ты не зря ляпнула.

- Хотела тебя здесь удержать! Уж больно природа вокруг красивая! И пруд! И роща неподалеку! – с чувством произнесла я. Заметила заинтересованный взгляд Головастиковой и осадил ее, - и не надо привязываться к каждому моему слову. Я просто перечислила местные достопримечательности...

Когда октябрьское солнце стало клониться к закату, мы решились переступить порог дома, которому больше подходило название халабуда.

Ольга оставила дверь распахнутой, чтобы ничто не мешало быстро «унести ноги» в случае опасности. Для начала мы осмотрели квадратный коридорчик, в котором стояла двухконфорочная плита с газовым баллоном, небольшая тумбочка со стоящей на ней сушилкой для посуды и раковина с висящим над ней резервуаром для воды и выходящим из него краном. Я автоматически повернула кран, струя воды ударила по раковине и обрызгала меня. Я быстро завернула кран, рассталась с надоевшей сумкой и отряхнулась. Ольга заморожено наблюдала за моими действиями, будто я творила невероятные вещи.

- Прихожая, она же кухня, - заключила я, желая прервать давящую тишину дома.

Подруга согласилась резким кивком головы и снова осмотрелась.

Я заинтересовалась сливом, словно пришла сюда с одной целью - заняться установкой новой сантехники. Сливом являлась изгибающаяся канализационная труба, которая пряталась в стене. Я решила идти до конца, вернулась на улицу, завернула за угол и изучила трубу с обратной стороны. Здесь она напоминала обычную сливную трубу для стоков дождевых вод. Чтобы вода не разливалась по огороду, был проделан зацементированный желоб, доходящий до канализационного люка, расположенного на улице. Благо дом стоял на пересечении двух дорог, не пришлось портить двор перед домом.

- Твои родственники жлобы! – нелицеприятно высказалась я, - пожалели денег для проведения канализации по участку.

- Тина, ты похожа на главного инженера ЖЭУ, который принимает дела у предшественника, - с усмешкой произнесла Головастикова, которая следовала за мной по пятам. Судя по всему, моя деловая хватка отвлекла ее от невеселых мыслей.

- Умереть, не встать, - обалдела я и указала рукой в сторону места общего пользования, которое мы поначалу не заметили. Оно пряталось за раскидистой яблоней, которая пока не собиралась расставаться с листвой.

- Это что такое? – нахмурилась Оля.

- Туалет! – выдала я, повторив интонации актера Папанова из «Бриллиантовой руки». – «М» и «Ж» слились воедино.

Не сговариваясь, мы отправились на разведку. На удивление внутреннее убранство туалета не испугало. Было чисто и неблауханно. На стене даже висели искусственные лианы с фиолетовыми цветами.

Успокоенные мы вернулись в дом. Теперь подруга решила запереть дверь на задвижку. Висячий замок мы оставили на тумбочке, хотя, я предлагала вылезти из окна и повесить замок на место, пусть все думают, что в доме никого нет. Не знаю, почему я хотела сохранить наше инкогнито.

Из кухни-прихожей мы переместились в комнату. Здесь стоял круглый стол без скатерти, вокруг стола четыре стула, возле окна грубо срубленная скамья, прикрытая самотканой дорожкой, шкаф для посуды и большой шифоньер с потускневшим зеркалом. Мы проверили шифоньер. В нем висела старая верхняя одежда, а на полках лежало постельное белье и полотенца. Не новое, но чистое и выглаженное.

Кроме входа в комнате имелись еще два дверных проема. Наличие дверей не предусматривалось. Для начала мы проверили одну комнату, расположенную левее. В крохотном помещении стояла кровать и тумбочка. На полу лежал вытертый коврик. В другой комнате не было окна, мы посветили фонариком, захваченным из дома, нашли на стене выключатель, на потолке зажглась тусклая лампочка. Мы увидели диван-кровать и книжный шкаф, одновременно уперлись взглядом в пол, в котором виднелась квадратная крышка подпола, выглядывающая из узкой ковровой дорожки.

- Какая глупость сделать подпол в комнате, а не в коридоре при входе. – заметила рассудительная Головастикова.

- Решили запутать воров, которые надумают полакомиться хозяйскими заготовками.- предположила я. – Давай залезем и проверим, что там лежит.

- Не сегодня! – отрубила Оля. – Там, наверное, мыши.

- Завтра они уйдут на прогулку, а мы в это время проникнем на их территорию и поживимся припасами тети Вали. – выдала я и сольно засмеялась, широко раскрыв рот.

Подруга проверила мои зубы на наличие кариеса, а потом неожиданно вздрогнула, как человек, увидевший привидение. Я сразу смолкла и оглянулась. Я стояла в дверном проходе, за моей спиной была большая комната, через окно просачивался слабый свет улицы, мягко рассыпаясь по столу и полу.

- Никого, - облегченно вздохнула я и повернулась к подруге, которая продолжала изучать комнату за моей спиной, двигая головой, как зритель в плохо обустроенном кинотеатре.

- Привиделось что-то... Учти, я здесь спать не буду! – констатировала Головастикова, указывая на диван-кровать.

- Мы можем лечь вместе в другой комнате, - предложила я. Честно говоря, ночевать в помещении без окон мне тоже не хотелось.

- Кровать узкая, мы не поместимся, к тому же ты любишь складывать на меня ноги. Ладно, когда нам было по десять лет, а сейчас я такой груз не выдержу.

- Какой груз! – возмутилась я, - во мне всего шестьдесят два килограмма при росте метр семьдесят два.

- Здоровая дылда! – сделала вывод Головастикова, которая была на два сантиметра ниже, а весила столько же.

Я не стала напоминать ей об этом, тема была болезненной. В отличие от меня – любительницы ночных перекусов, Олька постоянно сидела на разных диетах, не приносивших нужных результатов. Теперь в качестве диетического продукта была выбрана сырокопченая колбаса, которую можно потреблять в неограниченных количествах, но без хлеба. Поэтому сумка моей подруги была заполнена колбасами разных производителей и разных форм. Я потянула носом, вдохнула в себя копченый аромат и упадническим голосом произнесла.

- Если я сию минуту чего-нибудь не съем, то умру с голода!

Олька задумчиво посмотрела на наручные часы, будто я была младенцем, которого надо кормить строго по часам, а она матерью, соблюдающей все правила.

- Ладно, - в итоге согласилась она, зажгла свет во всех комнатах, прошла в кухню, по дороге прихватив с полки чайник, и растерянно стала осматриваться.

- Во дворе есть колонка, давай я принесу воды! – сказала я и потрусилась на улицу.

Волчок сидел у забора и терпеливо ждал. Вернувшись с полным чайником, я залила воду в бак раковины, чтобы было чем умыться перед сном, затем снова вышла во двор. Пес удивленно посмотрел на мои руки, занятые эмалированным чайником и возмущенно твякнул. Не громко, но осудительно. Из дома выглянула подруга, позыркала по сторонам, но выйти не решилась.

- Тина, дай собаке поесть, - сказала она и протянула мне кусок колбасы.

Я поменяла колбасу на чайник и подошла к забору. Пока Волчок грыз непривычную еду, я изучала окрестности. Через двор, где хозяйничал пес, было ухоженное подворье с небольшим кирпичным домом. По гравийной дорожке, гордо вскинув голову, разгуливал немолодой бравый мужчина. На его плечи была наброшена куртка, под которой виднелась тельняшка, далее шли спортивные штаны и стоптанные туфли, задники которых придавливали голые пятки. Мужчина придерживал полы куртки руками наперекрест и лавировал по замкнутому кругу, как затерявшийся катер в небольшом водном пространстве. Меня он не замечал, или делал вид, что не замечает, что слегка удивило: бдительные граждане всегда реагируют на появление на соседних участках посторонних лиц.

Возможно, муж тети Вали рассказал соседям о выходке супруги, и нас правильно приняли за новых хозяев, - подумала я.

Волчок расправился с колбасой, убедился, что добавки не последует и поплелся в будку.

Я поежилась от холода и вернулась в дом, тщательно заперев дверь за задвижку.

Мы быстро перекусили и разошлись по своим комнатам. Сначала громко переговаривались, потом беседа забуксовала, и мы провалились в сон...

Может быть, от голода или еще почему-то, но мне приснился торговый рынок. Я хожу между мясных рядов и морщусь от неприятного запаха, который убивает покупательское желание. Я мечтаю купить кусок хорошей свинины, замариновать ее и приготовить шашлык. Настоящий, с дымком. Мы сядем с Ольгой во дворе, нальем по бокалу красного сухого вина, польем горячее мясо красным соусом и станем примитивно объедаться.

Под прилавком раздался обреченный вой. Я стала испуганно озираться по сторонам, выискивая собаку громадных размеров, которая может так страшно завывать.

А если это волк? Или целая стая изголодавших волков, решивших подзаправиться в мясном павильоне? – пришла в мою голову умная мысль. – Но почему люди спокойно разгуливают между рядов и делают вид, что ничего не слышат? Или все разом оглохли?.. И потеряли обоняние, раз не замечают неприятного запаха.

Вой повторился.

Мне стало жутко. Я хотела бежать, но ноги пустили корни в цементном полу.

- Тина!.. Тина, ты спишь? – раздался рядом взволнованный голос подруги, медленно вырывающий меня из объятий странного сна.

Я открыла глаза и увидела Головастикову, стоящую в дверном проеме длинной ночной рубашке. Свет с улицы попадал в большую комнату, обволакивал силуэт Ольги и создавал эффект нереальности.

Так как окончательно я не покинула рыночные ряды, то видение меня чрезвычайно напугало. Я подпрыгнула на кровати и уже открыла рот, чтобы громко заверещать, желая напугать бродившее по халабуде приведение, но меня перебил замогильный вой, который походил на завывание из сна.

Я мигом проснулась, подруга влетела на мой диван-кровать и спряталась под одеялом, укрывшись с головой. Я хотела проделать тоже самое, но вой внезапно прекратился. Хрустальная тишина повисла в доме. Я опустила ноги на пол, нащупала кроссовки, обулась и стала медленно передвигаться в сторону коридора. Когда я достигла двери и приложила к ней ухо, снова раздалось завывание. К нему примешался непонятный аккомпанемент, похожий на шуршание метлы. Держась двумя руками за дверную ручку, я оглянулась и увидела белую птицу, мечущуюся под потолком.

Вой оборвался на самой высокой ноте, а птица продолжала шуршаще солировать.

- Это что? – спросила Оля, высовывая голову из-за угла дверного проема.

- Не что, а кто, - рассудительно поправила я, стараясь говорить спокойным тоном, но истерические нотки проскальзывали. Я прокашлялась и громко сказала, желая подтвердить наличие в доме живых существ, - кажется, это голубь.

- Это не голубь, - со знанием дела заявила осмелевшая Головастика, выныривая из моей комнаты. – Это душа моей тетки Вали.

- И что ей здесь понадобилось? – резонно поинтересовалась я.

Подруга не нашла ничего лучше, как обратиться к порхающей птице.

- Тетя Валечка, - начала она заискивающим голосом, - ты не волнуйся, я буду содержать твой дом в образцовом порядке. И приусадебный участок тоже в образцовом порядке. Обязуюсь провести канализацию на участок, воду...

- На этом ограничимся! – прервала я поток торжественных обещаний.

Голубь внял ласковой речи и опустился на круглый стол.

- Это он намекает, что проголодался, - сообразила Головастика, приближаясь к своеобразной посадочной полосе.

- Покорми его колбаской, - посоветовала я с издевкой.

- Разве птица едят колбасу? – удивилась подруга.

- Так это не птица, а душа оголодавшей тети Вали, - напомнила я, оторвала одну руку от дверной ручки, а вторую протянула к выключателю.

- Не включай! – опередила мое действие Оля, - у входа в дом горит фонарь, все отлично видно.

- А я подумала, почему в комнате так светло? - придушенным голосом протянула я. – Когда мы ложились спать, была такая темень, хоть «глаз выколи»... Это ты зажгла фонарь при входе?

- Я... я не в... выходила на улицу, - заикаясь, доложила перепуганная Головастика.

- И кто тогда это сделал? - требовательным голосом поинтересовалась я.

Мы одновременно воззрились на сидящего на столе голубя.

В это время раздался страшный замогильный хохот. Мы вздрогнули и посмотрели друг на друга.

- Утром я возвращаюсь домой! – прошептала Оля, когда хохот прекратился.

- Так я тебя и отпустила! – хмыкнула я и, наконец, приоткрыла дверь в коридор. Просунула голову для изучения обстановки, но ничего не увидела – свет с улицы сюда не проникал. Тогда я решила, нащупала выключатель и зажгла свет. – Все нормально! – со значением произнесла я и распахнула дверь.

- Тина, лучше закрой, а то холод идет по ногам, - попросила подруга, устраиваясь на стуле и закутываясь в одеяло, как в кокон.

Я выключила в коридоре свет и закрыла дверь. Опустилась на соседний стул и заявила.

- Не иначе это проделки теткинго мужа, не хочет, чтобы дача досталась тебе, вот и давит на психику.

- Думаешь? - напряженным голосом поинтересовалась Оля.

Я не ответила, потому что особой уверенности у меня не было, а разрешимый процент вранья на сегодня я исчерпала. Но подруга не сдалась.

- В таком случае, где он прячется?
- В подвале, - нашелся быстрый ответ. – Давно засел там, благо припасов хватает, и ждал, когда мы приедем вступить в наследство.
- Мы покосились на темную комнату, где я изволила почивать до того, как раздался вой, сменившийся истерическим хохотом.
- Мне показалось, что звук шел отсюда, - сказала я, имея в виду гостиную, где мы сейчас находились, и побарабанила ладонью по столу. Олька проследила за моими действиями, перевела взгляд на голубя, который успел задремать, но проснулся от моих стуков и сместился с середины к краю стола.
- Откуда он взялся? – задумалась Головастикова. – Когда мы сюда вошли, его точно не было.
- Окна все закрыты?
- Я в своей комнате форточку открыла, чтобы свежий воздух шел, но она совсем малюсенькая, человек не пролезет.
- Подруга глупела на глазах. По всей видимости, испуг оказал влияние на умственную способность.
- Человек не пролезет, а голубь – легко, - пробубнила я, не сводя взгляда с лица Головастиковой. Губы опухли от нервных покусываний, глаза несколько округлились, но маниакального блеска я не заметила.
- Голуби по ночам не летают, это не летучие мыши, - заметила она.
- Значит, кто-то его нарочно впустил в наш дом через форточку, чтобы усилить эффект устрашения.
- Но зачем он это делает?
- Чтобы мы покинули дом. Он думал, мы кисейные барышни, испугаемся и сбежим, а мы не трусихи. Недаром еще в детстве прошли испытание на устойчивость к стрессу, когда сидели в темной халабуде и рассказывали друг другу страшилки.
- Мы не трусихи, - робко поддержала меня Оля и более уверенно заявила. – За неделю с нами точно ничего не случится, а потом мы уедем. – Помолчала и добавила, - если это еще не ад, то что будет потом?
- Это не ад, это бездарный розыгрыш.
- Чей? – сразу вставила вопрос Головастикова, надеясь на мое вырвавшееся откровение, которое не поддается долгим размышлениям, и может служить пророчеством.
- Соседа! – ляпнула я.
- Какого соседа?
- Который живет через дом от нас! – боле уверенно произнесла я и таинственным голосом добавила, - он ходит в тельняшке, спортивных брюках и стоптанных туфлях. Это человек видел меня вечером, но сделал вид, что ему нет до меня дела. Причем слишком примитивно сделал вид. Любой человек, если не спросит, то хотя бы повернет голову в сторону гостя, появившегося на заброшенном участке.
- Но зачем ему нас пугать?
- От скуки. Или он действует заодно с твоим дядей.
- Оставь дядю в покое, ему эта дача до лампочки! - в сердцах заявила подруга. – Он сюда почти не ездил, терпеть не мог копаться в земле.
- Это он сам тебе сказал?
- Сам. Я почувствовала себя неловко, когда дача досталась мне, вот и пошла к нему объясниться.
- А мне ничего не сказала! – возмутилась я.
- Ты бы меня стала отговаривать. – насупилась Олька.

- Хорошо, что ты к нему ходила, - успокоила и одновременно похвалила я ее, - теперь мы дядю вычеркиваем. Остается сосед в тельняшке - скучающий мужчина около пенсионного возраста, который развлекается по ночам, изображая привидение.
- Мы можем нанести ему ответный визит следующей ночью, - воспрянула духом подруга, - чтобы отбить желание нас пугать.
- А это мысль! – возликовала я. Подхватила голубя, пошла в комнату Оли и выпустила птицу в открытую форточку.
- Мы его даже не покормили, - грустила Головастикова. - Надо было его утром отпустить.
- Не хватало еще, чтобы он летал по комнате и мешал нам спать! – сказал я и сладко зевнула.
- Давай устроимся на моей кровати, - предложила подруга.
- Она узкая, а я во сне ноги на тебя складываю.
- Ничего, я потерплю.
- Я согласна! И не думай, что я боюсь остаться одна, просто в моей комнате неприятный запах, поэтому мне снятся сны на рыночную тематику.
- Наверное, в подвале картошка сгнила, надо бы перебрать.
- Ну вот, затянуло болото мещанской собственности! – скривилась я.
- Учти, следующую ночь будешь мучиться от неприятных запахов! – предупредила меня Олька.
- Ладно, после завтрака полезем в подвал и проверим, чем там припахивает...

Как мы не боялись, но в подпол пришлось заглянуть. Когда мы откинули крышку, тошнотворный запах ударил нам в нос. Я закрыла нос ладонью и осветила помещение фонариком.

На дне, у лестницы, в неудобной позе лежал голый мужчина.

Не помню, как мы оказались на улице, и с какой скоростью долетели до выезда с садового товарищества «Водник». Если вчера на это ушло не менее получаса, то теперь мы долетели минут за пять. Скорее всего, мы бежали бы дальше, но остановились перед преградой – легковым автомобилем импортного производства, рожденным лет десять назад.

Из машины показался рослый молодой мужчина и уже хотел приступить к воспитательному процессу, но заметив наше состояние, спросил.

- Что-то случилось?

Мы никак не могли восстановить дыхание, хватались то за левый, то за правый бок, то за грудь, наконец, я пришла в себя и сказала, обращаясь не к мужчине, а к Оле.

- Этот молодой человек будет твоим мужем!

Головастикова поперхнулась воздухом и зашлась кашлем.

Водитель с интересом посмотрел на Олю, потом вытащил из салона бутылку минеральной воды и протянул ей. Головастикова пила долго и со вкусом, затем оторвалась от горлышка и протянула бутылку мне.

Пока я восстанавливала солевой баланс в организме, подруга успела назвать себя и меня. Дальнейшие объяснения я взяла на себя, тем более мужчина назвался капитаном полиции Кошкиным Матвеем Георгиевичем. Он нас внимательно выслушал и пригласил в автомобиль, услужливо распахнув дверцу. Олька уже хотела сесть, но в последний момент заметила скрюченное тело, издающее сопящие звуки. По-видимому, внешность подруги поразила капитана настолько, что он забыл о напарнике, мирно спящем на заднем сидении.

- Это Дмитрий, - быстро пояснил Матвей. – Он сутки не спал, людей не хватает. – И потряс приятеля за ногу.

Не открывая глаз, тот спросил.

- Уже приехали?
- Приехали. – подтвердил капитан. – И, кажется, наша пропажа нашлась. Я вызываю опергруппу... Да, проснись, наконец!
- Дмитрий соизволил сесть и удивленно посмотрел на нас.
- Вы кто такие?
- А Вы кто? – хмыкнула я, не желая называться первой.
- Дмитрий Куралесов, старший лейтенант...
- Мальчик молодой, - брякнула Оля, вспомнив песенное сочетание. Наклонилась ко мне и на ухо прошептала, - и очень-очень симпатичный. Правда, Тина?
- Меня зовут Устина, а это моя подруга Ольга, - заморожено произнесла я, не в состоянии оторвать взгляд от его лица. От голубых глаз с поволокой, от помятой после сна румяной щеки, от брутальной небритости.
- Устина, - повторил он и широко улыбнулся.
- Улыбка была контрольным выстрелом, попавшим в цель...

Когда тело увезли, не забыв прихватить сознавшегося «моряка», капитан и старший лейтенант тоже простились, сели в автомобиль и укатили.

- Ты что-нибудь понимаешь? – спросила меня подруга.
- Они... они даже не удосужились нам все рассказать, - едва сдерживая рвущееся наружу рыдание, сказала я.
- Тебя не это обидело, а безразличие старшего лейтенанта, - догадалась Головастикова. – И что нам говорит дар предвидения?
- Он молчит, - недовольно буркнула я.
- Тогда я возьму на себя смелость заявить, что... - она выдержала паузу, потом схватила меня под руку, отчего скамейка, на которой мы сидели, пришла во качательно-поступательное движение, пока привычно не притулилась к халабуде, и, помолчав, с чувством произнесла, - поверь, все только начинается.

Дар предвидения к ней не присоединился. Скорей всего, он не был подсказчиком, когда дело касалось меня...

Сначала мы хотели уехать, но быстро передумали и взялись наводить порядок в доме. Когда хозяйственные работы были закончены, октябрьское солнце начало прятаться за крышами домов. Мы вышли во двор полюбоваться закатом и увидели Волчка, сидевшего на пороге.

- В гости пришел? – спросила Оля.
- Гав!
- А колбасу будешь?
- Гав!
- Я бы тоже от колбаски не отказался, - услышали мы голос у забора и... обалдели.

Капитан и старший лейтенант стояли у калитки с тяжелыми сумками и глупо улыбались.

Впервые за все годы нашей дружбы первой опомнилась Оля.

- Пока вы нам все не расскажете, мы вас в дом не пустим!
- Но во двор хотя бы можно войти? – заканючил Куралесов, сверля меня своими синими глазами.
- Можно, тем более вы не с пустыми руками, - разрешила я.
- Только не говорите, что у вас в сумке сырокопченая колбаса! – закатила глаза подруга.
- Мы принесли мясо, Митяй большой специалист по шашлыку, - сказал Матвей Кошкин, открывая калитку.
- Шашлык, - протянула я и втянула ноздрями воздух, будто мясо уже жарилось на костре.

Мужчины успевали все: и нанизывать большие куски мяса на шампур, и накрывать на стол, который сначала разобрали в доме, затем вынесли во двор и заново собрали. И разливать тягучее вино по обычным стаканам (бокалы мы не нашли), и между делом рассказывать о человеке, обнаруженном в нашем подвале.

Андрей Иванович Лапушкин, в прошлом вор-рецидивист по кличке Лапа, «вышедший на пенсию» по состоянию здоровья – перенес два инфаркта, скончался в городской больнице четыре дня назад. Тело отвезли в морг, известили брата Леонида Ильича Лапушкина, а ночью тело из морга исчезло.

Леонид, постоянно проживающий в садовом товариществе «Водник» и работающий в нем сторожем, требовал найти тело брата-близнеца, чтобы предать его земле по всем христианским законам.

Незадолго до кончины Лапы в нашем городе проходил ежегодный фестиваль ювелирной моды, на котором ведущие ювелирные компании России демонстрировали свои уникальные коллекции. Там же была организована выставка–продажа для истинных ценителей бриллиантов. Никто не понял, каким образом исчез бриллиант «Садко» в двадцать семь карат стоимостью 1,4 миллиона долларов. Девушка-консультант не могла толком объяснить, кто мог его похитить. Когда немного пришла в себя, сказала, что бриллиантом «Садко» интересовался импозантный немолодой мужчина с родимым пятном на щеке, который задавал много вопросов и то брал в руки камень, то отдавал его.

- Родимое пятно дало подсказку. Мы предъявили ей фотографию Андрей Лапушкина, но она не могла твердо ответить, это он или не он. – сказал капитан Кошкин. – В свою очередь Лапа заявил, что у него есть алиби – он уже неделю находился в кардиологическом отделении городской больницы. Лечащий врач и медсестра это подтвердили... Теперь мы знаем, что Лапу временно заменил его брат-близнец Леонид Иванович Лапушкин.

- А родимое пятно? – хором спросили мы с Олей.

- Думаю, ему даже не понадобилось его «срисовывать». Во время отсутствия Андрея его брат делал вид, что спит, отвернувшись к стене. Медсестра несколько раз заходила в палату, его сосед – одинокий старик, требовал то таблетку от головной боли, то второе одеяло, то еще что-нибудь. Потом «больного» брата пришел проведать лже- Леонид, они сумели обменяться одеждой, и настоящий Леонид вернулся домой, а Андрей не придумал ничего лучше, как проглотить бриллиант «Садко». О своем намерении он предупредил брата. Лапа собирался через пару дней выписываться, но ночью он умер. И всему виной стал не очередной инфаркт, а бриллиант. Вскрытие сделать не успели – труп Лапушкина исчез из морга. – пояснил Матвей Кошкин.

- Некоторые глотают по несколько бриллиантов, и ничего с ними не происходит, - со знанием дела заявила Головастикова.

- У Лапы была язва желудка, ночью случился болевой шок, а позвать на помощь он не смог. – сказал Дима Куралесов.

- Значит, Леонид Иванович выкрал тело брата, чтобы вытащить бриллиант, но сразу на это не решился и не придумал ничего лучше, как спрятать тело в нашем подвале, благо он, как сторож, знал, где хранится ключ от входной двери. – констатировала я. – Мужчина никак не ожидал, что в садовое товарищество «Водник» заявимся мы.

- Вот почему он решил нас напугать! – возмутилась Оля. – Думал, мы перепугаемся, соберем манатки и уедем, но не на тех напал... А где же он прятался, что его завывание и хохот разносились по всему дому?

- В сливную трубу выл, - догадалась я и расхохоталась, представив немолодого мужчину, стоящего на коленях и завывающего подобно февральской вьюге в трубу, выходящую из коридора на улицу...

Не знаю, что ждет нас в будущем – по этому поводу мой дар предвидения молчит, но надеюсь, что возникший интерес между мужчиной и женщиной, больше напоминающий пока тонкую нить, превратится в крепкий канат, с помощью которого свободный доселе корабль причалит к тихой гавани.

Надеюсь, это случится не только с Олей и Матвеем, но и со мной и Дмитрием.

Но все-таки интересно, обладаю ли я даром предвидения, как утверждала Головастикова? Скорее нет, чем да. Но почему на пороге халабуды я вспомнила стихи Якубовича и рае и аде, алмазах и стразах?..

Одно я знаю точно – мы с подругой стали богаче, и это не относится к наследству и другим материальным ценностям...

г. Ростов-на-Дону
октябрь 2012года